

73. Бараташвили Д. И. Принцип равноправия и право народов распоряжаться своей судьбой (понятие и основное содержание) // Международное сотрудничество и международное право. – М., 1977.

Dzidzoev Valery Dudarovich, doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Theory of State and Law and Political Science Faculty of Law Gorsky State Agrarian University; Chief Scientific Officer of Vladikavkaz Scientific Center RAS; professor North Ossetian State University K. Hetagurova (37, Kirova St., Vladikavkaz, 362040, Russian Federation) E-mail: dzidzoevv@mail.ru.

**NATIONAL SOVEREIGNTY AND THE RIGHT OF NATIONS
TO SELF-DETERMINATION
(ON THE EXAMPLE OF ABKHAZIA AND SOUTH OSSETIA)**

Abstract

The article analyzes the problem of national self-determination up to secession and the formation of a new independent state. The author makes a historical excursion into the history of Abkhazia and South Ossetia, supported by political and legal documents showing the actual sovereignty of the two newly independent states of the South Caucasus. At the same time it draws attention to the principles of science, truthfulness, objectivity and historicism. Used sources dedicated to Abkhaz and South Ossetian peoples, as well as documentary historical and legal materials, showing independence of the two young states.

Keywords. *Abkhazia, Georgia, South Ossetia, Russia, sovereignty independence, the right concept, the expansion, the nation, the contract, the national policy of self-determination, the Soviet state, the national liberation struggle, the UN Charter, the republic.*

УДК 340.141

**ЭТИМОЛОГО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ «КХЕЛАХО» И «МУОНЧА»
В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ЧЕЧЕНЦЕВ**

Хабаев старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Чеченский
Ибрагим государственный педагогический университет, руководитель научно-
Дагаевич образовательного Центра нахских исследований
(364031, Россия, г. Грозный, ул. Киевская, 33)
E-mail: ibragim_habaev@mail.ru.

Аннотация

В данной статье предпринята попытка лингвистической реконструкции юридического термина «кхелахо», употребляемого чеченцами для обозначения должности судьи. Автор, на основе некоторых моделей и предпосылок, выдвигает гипотезу о более древнем понятии судьи – «муонча», сохранившемся в лексиконе нахов и принявшем со временем нарицательное значение.

Ключевые слова: *право, правосудие, правовая терминология, судебная система, судья, народное собрание, высший суд, реконструкция.*

Научные труды и публикации советских и зарубежных исследователей по обычному праву чеченцев, увидевшие свет после восстановления ЧИАССР [1. С. 544], несмотря на глубину своих исследований и значимость для исторической и юридической науки, затронули далеко не все актуальные проблемы обычного права нахов. Беглый анализ трудов и исследований правоведов, историков и лингвистов за последние полвека показывает, что проблема реконструкции и восстановления юридической терминологии чеченцев остается нетронутым пластом истории чечен-

ского народа и поэтому одной из самых актуальных, малоизученных и потому слабоосвещенных страниц историко-юридической науки Чеченской Республики.

Недостатки научных исследований в этих вопросах связаны с отсутствием архивных документов по истории нашего края, которые были уничтожены, либо вывезены и сокрыты в период депортации чеченцев и ингушей в феврале 1944 года и упразднения ЧИАССР.

Невосполнимый ущерб задаче реставрации исторического прошлого и правовой системы чеченцев, нанесли события 1994 – 1996 и 1999 – 2000 гг., в результате которых были утрачены архивные фонды, восстановленные за последние полвека кропотливым трудом сотрудников Архивного управления при Правительстве Чеченской Республики.

Существенным, препятствием для исследовательской работы в этих вопросах является ограничение научным работникам доступа к архивам, относящимся к периоду создания Терской области в составе Российской империи, куда были включены территории, населенные чеченцами, разбитые на округа после падения Имамата [2. С. 142] и установления на ее территории царской администрации в 1860 году.

По мнению местных краеведов, значительной помехой восстановлению утраченных страниц истории чеченского народа и в частности терминологии адатного права является проблема поиска информаторов, из числа представителей старших поколений, осведомленных в вопросах средневековой истории государства и права нахов, а также самих знатоков адата непосредственно.

Научные труды и исследования специалистов, пытавшихся осветить после распада СССР, табуированные вопросы государственности и права чеченцев, в основном апеллируют фактами, относящимися к истории существования высшего судебного органа чеченцев – Мехк Кхел [3. С. 199]. В тоже время в них не раскрываются всецело порядок и процедура его формирования, различные аспекты судебной практики, надзора и судебных расходов, судебного следствия, разбирательства, прецедента, поединка и решения, судебного приказа, иммунитета, издержек и прений, а также вопросы выборности, независимости и несменяемости судей Мехк Кхел и судов регионального уровня.

Надо отметить, что большинство исследователей обычного права Чечни, используя в своих трудах лексику и фразеологию чеченского языка, предпринимают попытки объяснить наличие в нахских языках некоторых слов, идиом [4. С. 236] и терминов как доказательную базу существования у чеченцев в прошлом государства и права.

Нужно признать, что сама идея поиска истории народа в его языковом багаже не совсем свежа. Еще во второй половине XIX века, знаменитый немецкий филолог и юрист, родоначальник сравнительного языкознания Якоб Grimm в своем четырехтомном труде «Немецкая грамматика» писал: «Наш язык – это также наша история» [5. С. 290]. Именно он стал первым ученым использовавшим язык как источник истории народа. Среди отечественных исследователей успешно применивших язык в качестве ключа к раскрытию тайн истории человечества, загадкам палеонтологии и древней культуры народов мира были, Ф. И. Буслаев [6. С. 152], А. А. Шахматов [7. С. 303], Н. Я. Марр [8. С. 406], И. А. Джавахишвили [9. С. 183] и др.

Тем не менее, к использованию языка для научного познания, особенно в вопросах истории народа необходимо подходить осторожно, не спеша и обдуманно. Одно дело, когда этим занимаются подготовленные специалисты. Ведь иной раз не совсем приятно читать публикации дилетантов, основанные на одних вымыслах и фантазиях, о происхождении якобы всех мировых языков от чеченского языка или же о том, что чеченский язык является основой всех священных писаний и т.д. Анализ таких «произведений» показывает, что на поверку сведения, изложенные авторами этих опусов, оказываются фальшивыми, поскольку интернет-ресурсы, которыми они пользуются, имеют очень сомнительную репутацию и уважающие себя исследователи ими не апеллируют в своих трудах.

Что касается историков, этнографов и правоведов, занимающихся изучением обычаев, традиций и адатов чеченцев, то они по нашему мнению должны вначале изучить хотя бы деривацию [10. С. 129] чеченского языка и лишь после этого делать научные выводы и заявления. Практика не раз доказала правоту такого суждения.

Особо хотелось бы подчеркнуть то, что в чеченском национальном научном сообществе по-прежнему бытует воззрение о том, что об адатах и обычном праве чеченцев всеми все давно сказано, и что якобы выявить что-то новое или же дополнить уже имеющиеся сведения вряд ли возможно.

Некоторые современные специалисты права сравнивают такую обстановку с ситуацией, сложившейся в средневековой исламской науке, когда большинство богословов заявили, что врата ал-иджитхада [11. С. 91] закрыты навсегда и усердствование в этом направлении тщетно. Другими словами, сторонники такого подхода утверждают, что правоведам и исследователям права чеченцев необходимо остановиться на достигнутых результатах, прекратить все дальнейшие разработки, ибо все, что выходит из-под их пера, по их мнению, есть либо измышления, либо в лучшем случае тавтология. [12. С. 483] По их словам, они заняты лишь решением отдельных второстепенных вопросов обычного права или же переписыванием и комментированием сочинений своих предшественников, а о научной новизне большинства таких сочинений говорить вообще не приходится.

Возможно, что сторонники такого подхода и правы в своих взглядах. Тем не менее, осознавая, что вынесение новых суждений и предположений на суд шепетильной и заранее негативно настроенной к любым новшествам научной общественности дело не совсем благодарное, рискну выдвинуть гипотезу о тождественности древнечеченского юридического термина «муонча» современному понятию должности судьи.

В ноябре 2014 г., в ходе сбора полевых материалов в селе Майртуп, Курчалоевского района, Чеченской Республики, в разговоре с сельчанами о порядке формирования и деятельности местного Мехк Кхел, местный умелец и этнограф-энтузиаст [13], произнес необычный фразеологизм, на чеченском языке имевший, как оказалось, прямое отношение к обсуждаемому нами вопросу – «Ахь хIун до, кхелана хаййна «муонча» санна, мара а оллийна, Iаш ма ву хьо». Он был записан им в конце 80-х годов прошлого столетия со слов своей бабушки [14], известной не только в ауле, но во всей округе сказительнице древних легенд, преданий и сказаний чеченцев.

Тарко Изновраевич пояснил, что с. Майртуп (чеч. «майра» – храбрый и «туп» – стан) имеет богатое историческое прошлое. Именно здесь в мае 1825 года проходил, ставший историческим, первый общенациональный съезд делегатов и представителей чеченских тейпов и «вольных обществ» [15. С. 360]. В его работе принимали участие делегации практически всех народов Северного Кавказа. На нем были приняты важные исторические решения. Съезд (гулам) [16, С. 610] избрал председателем Мехк Кхел муллу Магому [17. С. 285], назначил Бейбулата Таймиева [18. С. 3] военным правителем народа – «къоман тIеман баьчча», а также избрал старшин аулов в 104 самых крупных населенных пунктах Чечни. Тем самым съезд в очередной раз подтвердил на практике незыблемость многовековых конституционных принципов, определявших содержание общественных отношений социальных групп чеченского народа, выражающийся в относительной независимости и самостоятельности всех трех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной.

Таким образом, Майртуп на короткий промежуток времени, вплоть до провозглашения Имамата, стал средоточием не только политической, но и верховной судебной власти страны. Председатель (тхьамда) [19. С. 580] Мехк Кхел, его президиум (баьрчие) [19. С. 124], судебные исполнители и обслуживающий персонал находились здесь на постоянной основе, из-за чего основной контингент вспомогательной службы суда набирался из местных жителей.

Вследствие этого, среди майртупчан граждан, владеющих национально-правовой терминологией, было больше чем в среднем по всему краю, ведь в описываемое нами время, здесь еженедельно проходили прилюдные тяжбы, отчего правовые термины оказывались на слуху, запоминались и обогащали лексику чеченского языка. Естественно, что сохранившись в памяти народа, они позднее вошли в чеченские притчи, поговорки и пословицы, а часть из них приобрела нарицательное значение. Передаваясь из поколения в поколение, древнечеченская юридическая терминология, дошедшая до нас, не столько обогатила словарный состав чеченского языка, сколько стала бесценным багажом для исследования Мехк Кхел, его структурных подразделений и всей системы судопроизводства чеченцев в целом.

Со слов моего собеседника, в переводе на русский язык фразеологизм, в котором особый интерес представлял термин «муонча», означал: «Что ты сидишь, нос повесил, как «муонча» перед вынесением приговора». По смысловому содержанию текста видно, что «монча» в данной идиоме по всем законам логики является судьей, посаженным для вынесения приговора, что свидетельствует о принадлежности словосочетания к правовой терминологии чеченцев. Примечательно, что позднее мои догадки относительно этого подтвердились комментарием собеседника.

Интерес к тому, является ли слово «муонча» синонимом термина «судьхо» [20. С. 192], используемого в современной национально-правовой терминологии чеченцев, или более позднему дореволюционному «кхелахо» [21. С. 241] подогревался еще и тем, что в исследуемом словосочетании одновременно присутствовали два термина «кхелахо» и «муонча», оба, как ни странно, обозначающие должность судьи, – «должностного лица, уполномоченного осуществлять правосудие, являющегося носителем судебной власти государства» [22. С. 826].

Было неясно, каким образом два юридических термина, обозначающих судью, синхронно присутствуют в одном предложении, притом, обладая разным смысловым значением и нагрузкой. Если предположить что «монча» судья, то кто в таком случае «кхелахо»? Разбор термина «кхелахо» показал, что он происходит от существительного «кхел» – «приговор» и суффикса «хо», что дословно означает «приговорщик». Но в русско-чеченском словаре Мадиева А.Г. оно переводится как «народный судья». Учитывая то, что в СССР все судьи были «народными», вполне допустимо, что Ахмат Гехаевич калькировал термин «кхелахо» и перевел его на советский лад, ибо в противном случае он должен был состоять, по крайней мере, из двух слов и звучать как «халкъан кхелахо» – народный судья, чего в реальности мы не видим.

Стало ясно, что необходимо более совершенное исследование термина «кхелахо», для чего я обратился к «Этимологическому словарю чеченского языка» А. Д. Вагапова, где автор, объясняя значение слова «кхийла» от которого и произошло «кхелахо», разъясняет, что оно родственно чеч. «кхийла» – призывать. Действительно, на шатойском диалекте чеченского языка слово «кхийла» означает приводить, например, «нах кхийла» – приводить людей, «даъхни кхийла» – приводить скот и т. д. Значит, «кхелахо» или «кхийлхо» (что одно и то же) означает приводящий, т. е. в нашем случае приводящий обвиняемых, свидетелей или же очевидцев в суд и исполняющий приговор суда. В таком случае «кхелахо» есть ни кто иной, как судебный пристав-исполнитель, но не судья.

Осознавая научную ценность термина «муонча», в первую очередь для обогащения юридической терминологии чеченцев, я задался целью найти ему научное обоснование, применив для этого довольно редко используемый в отечественной науке метод научной реконструкции, применяемый как в юриспруденции, так и в истории, палеонтологии, архитектуре и других науках. Реконструкция – это метод, «позволяющий восстановить утраченный объект с максимальной степенью соответствия прототипу» [23. С. 256]. Его эффективность состоит в гипотетическом воссоздании исчезнувших языковых форм и систем на основе их позднейших отражений.

Перелистав все существующие этимологические, грамматические и терминологические словари чеченского языка, я ни в одном из них не обнаружил слова «муонча», что породило во мне

еще большую заинтересованность в исследовании данного термина. Его расширенный поиск в национальном фольклоре, антологии, мифологии чеченцев не дал положительных результатов. Удивляло то, что наличествуя в лексиконе чеченцев, оно не попало в словарь чеченских юридических терминов или же в словари малоупотребительных и редко произносимых слов чеченского языка.

Дальнейшее исследование показало, что для дефиниции [4. С. 163] слова «муонча» и в первую очередь его морфемного [4. С. 366] состава необходимо обратиться к деривации чеченского языка. Выяснилось, что корень этого слова произошел от чеч. «муо» – шрам [19. С. 474], след, остающийся на теле от зажившей раны, рубец. Но оказалось, что у него есть и другое смысловое значение ««оттиск», – отпечаток, воспроизведение, изображение, получаемое надавливанием» [24. С. 429]. Поэтому, штудировав чеченские слова, в основу которых легло слово «муо», я обратил внимание на возможность происхождения от него слова «муохIар» – печать [20. С. 64]. Однако на кафедре «Чеченского языка и литературы» ЧГПУ, специалисты в области нахской филологии разъяснили мне, что слово «муохIар» в значении «печать» перенято из арабского языка после принятия ислама и не может иметь чеченскую основу.

Действительно, после нескольких бесед с лингвистами выяснилось, что у них на этот счет существует давно устоявшееся мнение. Ошибочно оно или нет, судить не мне. Однако не верить маститым ученым у меня нет веских оснований, ведь в чеченском языке помимо него много заимствованных из арабского языка других юридических терминов. И это закономерно, так как с принятием ислама параллельно с нормами адата чеченцы стали применять и нормы шариата, отчего часто употребляемые арабские слова и термины мусульманского права со временем плавно перекочевали в чеченский язык. Более того, у меня не было оснований не верить одному из авторитетнейших специалистов чеченского языка А.Д. Вагапову, который пишет: «МуохIар – «перстень; печать». Из араб. мухIур-ун «печать» [19. С. 481].

Такой неожиданный поворот событий фактически сводил на нет все мое прежнее и дальнейшее исследование. Без обоснования принадлежности термина «муонча» к чеченскому языку, как производной слова «муо», от которого в свою очередь произошло слово «муохIар» – печать, доказать гипотезу о тождественности древненахского термина «муонча» позднему «кхелахо» и современному «судхо» не представлялось возможным. Тем более доказать, что «муонча» есть термин, обозначающий должность судьи. Выяснилось, что в этом вопросе требуется более глубокое исследование.

С этой целью мне пришлось обратиться к научной литературе и арабо-русским и русско-арабским словарям. В них, к моему удовольствию, я не обнаружил оснований полагать, что слово «муохIар» означает перстень или печать, несмотря на то, что в арабском языке слово перстень имеет 18 значений. Удивительно то, что ни одно из них не читается как «муохIар». К примеру, в одном издании слова перстень, кольцо, переводятся как «хотим» [25. С. 455]. В другом слово «муохIар» переводится как приданое, калым [26. С. 771], а «хотим» означает перстень с печатью, кольцо [26. С. 211]. Профессор Юго-Западной академии государственной службы, доктор юридических наук, Д.С. Тепс, разъясняя термин «муохIар», пишет, что в семейном законодательстве, основанном на мусульманском праве, он означает ни что иное, как «брачный выкуп, уплачиваемый мужем» [27. С. 541]. Из вышесказанного вытекает, что слово «муохIар» в значении печать не является реципированным [22. С. 734] из арабского языка, а имеет нахскую основу и происходит от чеченского «муо» – шрам.

В таком случае владетель «муохIар» – «муонча», обладающий правом закреплять им свои решения, и есть судья, так как печать с древнейших времен является главным атрибутом судьи.

Лингвистическо-грамматический разбор слова «муонча» показал, что «муон» стоит в родительном падеже (доланиг дожар), а суффикс «ча» указывает на профессиональную принадлеж-

ность носителя данного имени. К примеру, чеч. «вота» – барабан, при добавлении суффикса «ча» дает «вотанча»; барабанщик, «хелхар» – танец, «хелхарча» – танцор; «пондар» – гармошка, «пондарча» – гармонист, и т. д.

О существовании у чеченцев такого атрибута судьи как «муохIар» есть немало свидетельств, которые подтверждены как полевыми, так и научными материалами. К примеру, столицей одной из самых крупных и выдающихся чеченских областей Нашха была крепость МоцIарха. Полевые материалы локализуют ее у подножья священной для нахов горы Ёрдие корта [28. С. 80], где до сегодняшнего дня сохранились руины древненахских культовых сооружений. Именно здесь, по преданиям чеченцев, хранились их священные реликвии – «Къоман Йай» («Национальный котел»), «Къоман Тептар» («Национальная летопись»), «Къоман МуохIар» («Национальная печать»), которой скреплялись решения Мехк Кхела [29. С. 31].

В контексте нашего исследования, из вышесказанного для нас особый интерес представляет топоним МоцIарха, обозначенный как место хранения «Къоман МуохIар». Парадоксально, но в обоих упомянутых нами терминах корневым словом является «муо» – шрам, что, по-видимому, не совсем случайно. Следующая часть термина «цIа» означает дом, а «ха» это суффикс определяющий место. В общем, это словосочетание можно перевести с чеченского языка как «судебный дом», «судебная палата», «дом хранения печати». Учитывая, что МоцIарха являлась священной столицей нахов, где проходили заседания Мехк-Кхел, мы можем вполне допустить, что термин «муонча» означал в древности ни что иное, как судья, ведь топоним МуоцIарха описывается как местопребывание судейского корпуса нахов.

Еще одно, возможно более весомое доказательство озвученной мною выше версии приводит А. Сулейманов в своем труде «Топонимия Чечни». Вот что он пишет: «Мизир-корта (Мизир корта) «Мизира вершина» – на южной стороне Мочча, на вершине сохранились следы древних культовых построек. Предания до нас доносят, что на этой вершине долгие годы пребывал Совет Старейшин для разбора и решения важных общественных дел, решения вопросов войны и мира, установления кодекса обычного права и т.д. Мизир – древневаханское божество добра» [29. С. 63].

Вряд ли это случайно, что местом заседания нахского Мехк Кхел выступает древнечеченский топоним Мочча, удивительно созвучный термину «муонча». Однако более поразительно то, что, согласно правилам грамматики чеченского языка, носовой звук в данном случае переходит по полной ассимиляции в рядом стоящий звук. Например, чеч. «латта» – земля и индоевропейское «ланда» – земля, поэтому «монча» дает «мочча», из чего следует, что оба эти слова имеют одно и то же значение.

Таким образом, изложенные мною факты, свидетельства и модели дают основание полагать, что «муонча» является древнейшим термином, обозначавшим у нахов должность судьи. Термин «кхелахо» или «кхийлахо», что в принципе одно и то же, соответствовавший якобы термину «народный судья» и использовавшийся чеченцами в более позднее время, на самом деле являлся обозначением должности «судебного пристава-исполнителя» [22. С. 825].

Исследование показывает, что основываясь на научном методе лингвистической реконструкции отдельно взятых элементов правовой системы чеченцев, прослеживается реальная возможность восстановления всей конструкции правовой системы древних нахов. Данную статью можно расценить как первый пробный шаг на пути к воссозданию этой системы, что позволит по-новому взглянуть на историю государства и права чеченцев.

Исследование данной темы показывает, что для воссоздания как отдельных элементов, так и всей системы права чеченцев, в первую очередь нужно больше внимания уделять сбору полевых материалов, т.е. полевой этнографии. При проведении такой работы необходимо основную ставку делать на сбор топонимов, старинных изречений, поговорок, сравнений и фразеологизмов, не

вошедших до сих пор в национальный фонд чеченского языка, так как в фольклоре и лексике чеченцев скрывается история нахов.

Полагаю, что активизация работы в этом направлении откроет широкие возможности для выявления в будущем основных контуров многогранной системы государственно-правового устройства древних чеченцев.

Литература

1. Географический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
2. БСЭ. Т. 10. – М.: Советская энциклопедия, 1972.
3. Саидов И.М. Мехк Кхел (Совет Страны) у нахов в прошлом. Кавказский этнографический сборник. Вып. II. – Тбилиси: Мецниереба, 1968.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИНФОРТЕХ», 2010.
5. *Kleinere Schriften*, I., 1864.
6. БСЭ. Т. 4. – М.: Большая советская энциклопедия, 1971.
7. БСЭ. Т. 29. – М.: Большая советская энциклопедия, 1978.
8. БСЭ. Т. 15. – М.: Большая советская энциклопедия, 1974.
9. БСЭ. Т. 8. – М.: Большая советская энциклопедия, 1972.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
11. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
12. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1986.
13. Элимурадов Тарко Изнавраевич, 1966 года рождения, уроженец с. Майртуп, Шалинского района, ЧИАССР. Тайп битро. Пишет стихи на древнечеченском языке с 1987 года. С 1989 года занимается сбором полевых материалов по этнографии и истории государства и обычного права чеченцев.
14. Абуезидова (Эльмурадова) Аманта, 1887 года рождения, уроженка с. Майртуп, Шалинского района, ЧИАССР, тайп ялхой. Родная сестра известного в Чечне богослова и знатока шариата Мусальника-муллы Абуезидова, близкого друга и мюрида шейха Бамматгири-хаджи Митаева из с. Автуры, исполнявшего обязанности кадия с. Майртуп до депортации чеченцев и ингушей. Умерла в 1970 году в возрасте 96 лет. Материал взят из личного архива Т. И. Элимурадова.
15. Советская историческая энциклопедия. Т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1963.
16. Карасаев А. Т., Мациев А. Г. Русско-чеченский словарь. – М.: Русский язык, 1978.
17. Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б. Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века). – Грозный: Издательство АН ЧР, 2009.
18. Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. – Грозный: Книга, 1991.
19. Ваганов А. Д. Этимологический словарь чеченского языка. – Тбилиси: Меридиани, 2011.
20. Абдурашидов Э. Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. – Грозный: ФГУП Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2010.
21. Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2010.
22. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Книжный мир, 2010.
23. Максимов Р. И., Максимова И. Э. Некоторые аспекты методологии научной реконструкции и использование ее в научно-образовательной деятельности музеев. Труды ГИМ, вып. № 160. – М., 2006.
24. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013.
25. Хайбуллин И. Н. Грамматика арабского языка. – Уфа: ООО «Саям», 2007.
26. Баранов Х. К. Большой арабско-русский словарь. Т. II. – М.: Живой язык, 2006.
27. Тенс Д. С. История государства и права зарубежных стран. – СПб.: ООО «Веленора», 2008.
28. Амин Ангуни. Государственность народа нохчий. Произведение первое – Аланий Жарга. <http://zhaina.com/history/301-kniga-gosudarstvennost-naroda-nokhchijj.html>, 27.11.2016 (время обращения: 23 ч. 41 мин.).
29. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012.

Habaev Ibrahim Dagaevich, senior lecturer of legal disciplines, Chechen State Pedagogical University, Head of Research and Education Center Research Nakh (33, Kievskaya St., Grozny, 364031, Russian Federation) E-mail: ibragim_habaev@mail.ru

ETIMOLOGO-LEGAL DESCRIPTION OF LEGAL TERMS «KHELAKHO» AND «MUONCHA» IN CUSTOMARY LAW CHECHEN

Abstract

This article attempts to linguistic reconstruction of the legal term «khelaho» is used to refer to the Chechens the office of judge. The author, based on some of the models and the preconditions put forward the hypothesis of a more ancient concept of the judge – «muoncha» preserved in the lexicon of the Nakh and adopt over time the value of a common noun.

Key words: *law, justice, legal terminology, the judicial system, the judge, the national assembly, the supreme court, reconstruction.*

УДК 340.1 Т 50

ПРОБЛЕМЫ В ПОНИМАНИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Товсултанов старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Сухраб Чеченский государственный педагогический университет
Алхазурович (364031, Россия, г. Грозный, ул. Киевская, 33)
 E-mail: Tovsultanov-sa@mail.ru.

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы понимания мусульманского права, разграничения понятий «Исламское право», «мусульманское право», а также Шариата и фикха, соотношение между шариатом, фикхом и исламским правом.

Ключевые слова: *Шариат, фикх, Исламское право, мусульманское право, эпистема, позитивистская наука, юридизация и т.д.*

Вопрос о том, что такое мусульманское право, что мы должны под ним подразумевать – средневековый шариат и фикх или сегодняшнее позитивное право мусульманских государств – является не менее проблематичным (если даже не более), чем вопрос о понятии права вообще. В отечественной и зарубежной юридических науках часто понятия мусульманское право и исламское право или используются как синонимы, или мусульманское право отождествляется с шариатом или фикхом, либо религиозные и правовые принципы мусульманского права не отделяются друг от друга и принципы нормотворчества часто понимаются как источники права. Данное обстоятельство дает основания некоторым ученым юристам вообще отрицать юридический характер мусульманского права.

Светская юридическая наука еще не до конца разобралась с сущностью мусульманского права, и этому способствовали несколько причин. С одной стороны, проблема в том, что эпистема (т.е. знания) мусульманского права сложилась вследствие исследования материалов, собранных путешественниками, историками, этнографами, а не юристами. Поэтому она не смогла передать достоверно всю юридическую природу мусульманского права.

С другой стороны, на наш взгляд, эти трудно разрешаемые последствия стали результатом вмешательства позитивистской науки в исследования права вообще и мусульманского права в частности, которая считает, что наука должна лишь описывать факты. Позитивистская наука, ориентированная на внешние признаки, не смогла проникнуть в сущность мусульманского права.